

Ф. Г. Галиева

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА НАРОДОВ БАШКОРТОСТАНА: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ИМЯТВОРЧЕСТВА И СВОЕОБРАЗИЕ КУЛЬТУР¹

Антропонимы народов Башкортостана рассматриваются в контексте динамики этнических традиций в условиях социально-политических и экономических перемен, а также своеобразия полиэтнической и поликонфессиональной среды. Показаны общие закономерности и выявлено различие в имятворчестве православных русских, мусульман башкир и татар, носителей традиционных («языческих») религий удмуртов и чувашей, лютеран-латышей. В хронологических рамках XX – начало XXI в. изучено изменение состава именников этносов, определено направление от этнокультурного разнообразия к формированию в советское время общего пласта имен-советизмов и интернациональных антропонимов, а в постсоветское время – возврат к некоторым досоветским традициям. Башкиры, татары, русские вновь обращаются к именам, бытовавшим в дореволюционное время. Актуализировался обычай иметь два, иногда три имени (официальное для коммуникации; тайное, данное во время религиозного обряда; обережное). У «язычников» удмуртов возврата к исконно этническим антропонимам не наблюдается вследствие того, что для них «своими» считаются имена, заимствованные из тюркской и русской среды. У «язычников» чувашей с конца XIX в. происходил отказ от этнических «языческих», переход к общетюркским и славянским именам, которые ныне бытуют как традиционные. В свою очередь, у представителей интеллигенции из числа православных чувашей появилась мода на псевдонимы – имена-обереги тюркского происхождения. У латышей имен-советизмов не было ввиду непринятия советской власти в послереволюционные годы, интернациональные слова у них имелись, но звучали по-своему. Сделан вывод о том, что сохранность традиций связана с пластичностью этнических культур, возможностью сосуществовать и взаимодействовать с советскими, иноэтническими, иноконфессиональными обычаями, развиваться через обновление. Разнообразие этнокультурных явлений демонстрирует именник села Улькунды Дуванского района, в котором есть традиционные антропонимы, советизмы, международные, имена, связанные с топонимами, миром растений и животных, химическими элементами, предметами быта, известными личностями, новшествами в обществе.

Ключевые слова: народы Башкортостана, имятворчество, обряд имянаречения, традиционные антропонимы, имена-советизмы

Введение

Антропонимия в России накопила существенные результаты в области составления словарей личных имен, изучения их генезиса, семантики, изменений в пространстве и времени, репрезентации окружающего мира, транскрибирования (Суперанская, 2009). В Башкортостане также составлен перечень башкирских имен (Кусимова, Бикколова, 2005), показаны частотность их употребления, мотивы выбора (Селэймэнова, 2006), отражение в антропонимах занятий и характеристик конкретных людей, времени и места рождения, вера в магическое назначение имени (Хисамитдинова, Тупеев, 2006). В башкирском именнике установлены разнообразные этнолингвистические пласты (Раемгузина, 2009).

Исследования антропонимов по документам (ревизские сказки, документы загсов) позволяют рассмотреть линейное развитие имятворчества. В реальной жизни в этнических культурах оно представляет собой многосоставное явление. С давних времен у представителей разных этносов человек вначале получал «временное» имя (от повитухи, *йомза* у чувашей), затем постоянное (от священнослужителя, жреца, волхва). В случае необходимости (болезнь, плаксивость ребенка) организовывалось переименование, имянаречение новым именем. У башкир, татар, чувашей, удмуртов и других народов имя корректировалось при обнаружении у малыша родимого пятна *миң/мен* (Гали – Минглигали/Менлигали). Если в семье наблюдалась высокая детская смертность, ребенку давали «охранное» имя, чтобы ввести в заблуждение злых духов (Бикбулатов, Фатыхова, 1991; Галиева, 2020; Садиков, 2009; Чуваша, 2017).

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2024 гг.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении причин сохранения традиционных личных имен в современном обществе, несмотря на то, что этносоциальные перемены и мода способствовали обновлению состава именников. Объектами исследования стали русские, башкиры, татары, приводятся сведения по чувашам, удмуртам и латышам Башкортостана. Хронологические рамки – XX – начало XXI в.

Под традиционными условно назовем имена, бытовавшие в определенной этнической среде в дореволюционное время. У башкир и татар – связанные с оберегами (металлом, камнем, свечами и др.) и исламом, у русских и латышей – христианством, у некрещеных чувашей – «язычеством». У некрещеных удмуртов Башкортостана уже в конце XIX в. свои «языческие» имена вышли из обихода, преобладали тюркские, в то время как татары (и башкиры) перешли к антропонимам арабского и персидского происхождения (Атаманов, 1983: 76).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проведено этнологическое исследование антропонимов представителей сразу нескольких этнических групп и религий Башкортостана, выявлены общие закономерности и особенности имятворчества в условиях совместного расселения и многовековых этнокультурных контактов. На конкретных примерах показано, что тюркские, восточнославянские, финно-угорские и другие этносы – носители исламской, православной, «языческой», лютеранской культур – находились под влиянием мер одного государства, но по-разному реагировали на социально-экономические и политические перемены. Методы исследования включают сбор антропонимической информации по народам Башкортостана, комплексный анализ опубликованных источников и полевых материалов, сопоставление разновременных материалов, научную интерпретацию. Источниками для подготовки статьи послужили полевые материалы автора по разным этносам, полевые дневники выдающегося башкирского этнографа Р. Г. Кузеева (1929–2005), документы Национального архива Республики Башкортостан, содержащие сведения об именах латышей, а также опубликованные работы. В числе последних – пресса 1920-х гг., когда в русле мощного потока борьбы со старым и строительства коммунистического будущего с этнически, конфессионально и территориально нивелированной культурой появились многочисленные новые общие для народов имена.

Результаты исследования

В предыдущих публикациях автора описан процесс провозглашения имен-советизмов в советской Башкирии, который осуществлялся в клубах, заводских столовых, избах-читальнях по инструкциям партийного руководства во время специально сконструированного ритуала, называемого по-разному: коммунистические крестины / красные крестины / комсомольские крестины / пролетарские именины / звезды / октябрины / крещение по-новому и др. (Галиева, 2020; Галиева, 2018). В публикациях газеты Уфимского губернского комитета РКП(б) «Власть труда» (1923–1924) и ее правопреемника «Красная Башкирия» (1925) названы актуальные антропонимы того времени: Октябрина, Маркс, Нинель («Ленин» в обратном порядке букв), Кюраш (башк., тат. «Борьба»), Ревмир и Ревмира (сокр. «революционный мир»). Также были популярными: Ленин, Владимир, Ильич, Ленина, Роза (в честь Розы Люксембург). А еще Рид (в честь писателя Джона Рида), Ким (сокр. «коммунистический интернационал молодежи») и Май (Шныра, 1923; Б. П., 1924; Ж-н, 1924; Араслан, 1924; Титов, 1924; Отовсюду..., 1925).

Полевые материалы, собранные в башкирских и татарских селениях, дают список следующих популярных имен: Виль (аббревиатура «Владимир Ильич Ленин»), Вильдан (дан от башк., татар. «слава»), Дамир (сокр. «да здравствует мир»), Вильнур (нур от башк., татар. «свет»), Владлена (сокр. имени и фамилии вождя), Рим (сокр. «революция и мир»), Ревмир, Искра, Роза (ПМА 2002–2023, Республика Башкортостан (РБ), Кюргазинский район, с. Якшимбетово; Архангельский район, с. Тирякле, с. Азово, с. Абзаново, с. Узунларово; Кармаскалинский район, с. Кустыгулово, с. Улукулево; Бурзянский район, с. Старосубхангулово;

Чишминский район, с. Староякупово). По устному сообщению уфимского этнографа И. Г. Петрова, у чувашей были Маркс, Ленина, Виль. Вероятно, имена-советизмы были у разных народов республики, кроме латышей, по причине непринятия ими в послереволюционное десятилетие советской власти. Дело в том, что латышским крестьянам – собственникам земель, крепких хозяйств, передовых для своего времени орудий труда – смена государственного устройства была не выгодна (Чегодаев, 2018: 356–357).

Новые имена вначале появились в Уфе у русских, затем в других крупных селениях. Иногда дети получали еще и актуальную фамилию. Например, по материалам местной газеты, у служащего Горбачева на заседании месткома дочь называли Лениной, а фамилию дали Месткомовская (П. И., 1924). Случалось, взрослые избавлялись от традиционных имен и фамилий, которые указывали на связь с религией (Кушаев, 1923).

Согласно полевым материалам Р. Г. Кузеева, смена фамилий у башкир – нередкое явление. Чаще родоначальником фамилии становился представитель третьего поколения, бывало и более раннего времени (Кузеев, 1958: 35). В первой половине XX в. перемена фамилии происходила в случае, если она включала основу «мулла», «Ходай» (Бог) и с целью сокрытия участия в национально-освободительном движении 1917–1920 гг. К примеру, в с. Якшимбетово Куюргазинского района произошла замена фамилии Сальтяшев по той причине, что один из носителей этой фамилии примкнул к движению Ахмет-Заки Валидова. После революции, когда начались преследования, многие Сальтяшевы стали Ходайбердины. Позднее отбросили «Ходай», остались Бердины (Кузеев, 1957: 20). Во время полевых исследований в указанном селе автором статьи местное население утверждало, что смена фамилии произошла для удобства, потому что слишком много стало Сальтяшевых (ПМА 2019, РБ, Куюргазинский район, с. Якшимбетово).

Изменения именников башкир и татар происходили за счет отказа от части двухосновных имен (Мухаметгали – Гали), в результате чего антропоним становился более лаконичным и динамичным, соответствующим времени больших перемен. Кроме того, имена изначально стали даваться более короткими, что демонстрируют многие шежере (родословные) башкир. На смену таким антропонимам, как Мухамадьяр, Фазлыяхмет, Хазиахмет (Кузеев, 1953: 31 об.), Мухамадрахим, Давлетгарей (Кузеев, 1955: 100 об.), приходили Хисмат, Нигмат, Салих и др. (Кузеев, 1956: 21). Учитывая, что документы оформлялись на слух русскими писарями, еще и происходило искажение имен (Адигам – Адгам) и фамилий (Ахметгалиев/Галиев/Галеев) (ПМА 2019, РБ, Куюргазинский район, с. Якшимбетово).

Имена-советизмы давали своим детям прежде всего руководители организаций и предприятий, партийные работники, интеллигенция, под их влиянием и другие, тем самым демонстрируя верность курсу партии и обеспечивая возможность карьеры. Помимо советского ритуала скрытно проводился религиозный обряд имянаречения или крещения, и дети получали еще и традиционное имя. Возможность иметь несколько имен, которую предоставляла традиция, привела к дуализму поступков человека: с одной стороны – гражданина советской страны, формально атеиста, с другой – носителя традиционной веры. Поэтому Ленин мог быть одновременно и Порфирием или Абдуллой, Трактор – еще и Митрофаном или Тимербулатом, Нинель – Ефросиньей или Фатимой.

Обратиться к революционному ритуалу имени подталкивало не только стремление показать себя «идейным человеком», но и обещания властей заботиться о ребенке. Немаловажными были гостинцы и подарки родителям новорожденного, а также небольшие застолья по окончании ритуалов, что было удивительным после голода в Поволжье (1921–1922). В то же время религиозное сознание и потребности сохранялись, как и вера в значимость традиционных имен. Альтернативой привычным именам у русских становились редко встречающиеся православные имена, например, Виктор, Анатолий, Галина, Валентина (ПМА 2007–2009, РБ, Дуванский район, с. Тастуба, с. Вознесенка; Белокатайский район, с. Старобелокатай, с. Ново-

белокатай; Куюргазинский район, с. Молоканово; Кугарчинский район, с. Побойше), то есть обновление происходило, но за счет обращения к забытому.

Традиционные имена и фамилии в меньшей степени менялись у населения, проживавшего вдали от центров советизации, в горнолесных районах и у носителей «языческих» верований. В полевых дневниках Р. Г. Кузеева приводится немало башкирских имен-оберегов с упоминанием прочного камня (*таш*), железа (*тимер*), булата и их комбинаций: Ташбулат, Тимербулат (Кузеев, 1957: 22, 159), а также Карагай – букв. «сосна» (Кузеев, 1957: 88) и даже Кара косок – букв. «черный щенок» (Кузеев, 1956: 23). По сообщению И. Г. Петрова, у чувашей в первой половине XX в. нередкими были имена-обереги, также связанные с миром растений и животных: Юман (чув. «дуб»), Вырман (чув. «лес»), Кашкыр (чув. «волк»), Тимер и др.

В 1930-х гг. советский ритуал имяназачения уже не проводился по причине смены курса партии и потому что он не укоренился (Галиева, 2020: 133). Люди с революционными именами нередко официально переходили на привычные. В то же время некоторые антропимы закрепились в именниках, например, Мая/Майя, Ким – у русских, Дамир, Виль, Рим и Роза – у башкир и татар, получив новые смыслы. Имя Роза стало символизировать красоту цветка, как и новые имена Сирень, Ландыш, Лилия. Имена стали восприниматься не как связь с революцией, а как традиционные антропимы.

В 1920-е – 1930-е гг. в русле политики отказа от всего этноконфессионального антропимы народов России стали активно дополняться иноязычными именами (Суперанская, 2009). Этот процесс продолжался вплоть до 1990-х гг. В именники народов Башкортостана имена других народов могли проникать от латышей в процессе колхозного строительства, насильственной ликвидации их хуторов, стягивания в полиэтнические селения, интернационализации и советизации, совместной учебы и труда. В документах Национального архива Республики Башкортостан (Ф. И-10; Ф. И-420) встречаются имена латышей, рожденных в конце XIX в., – Жан, Рудольф, Роберт, Эдуард, Артур, которые со временем стали популярными и закрепились у русских, башкир и татар. У латышей были также свои имена – Мирта, Дора, Леонтина, Ванедзина, Эмилия, Вильгельм, Мартын, Людвиг, Адольф. Например, в разное время в латышских селениях проживали: Эхентель Адольф Адамович 1888 г. р.; Янсон Адольф Адамович 1901 г. р., Телле Адольф Эрнестович 1902 г. р., Штельмахер Адольф Эдуардович 1913 г. р. и др. В с. Баложь Иглинского района одного из малышей, рожденного накануне Великой Отечественной войны, нарекли традиционным для латышей именем Адольф (ПМА 2011, РБ, Иглинский район, с. Баложь) с целью запечатлеть договорные отношения с Германией, не подозревая о грядущих кардинальных переменах в мире.

В представлениях соседних народов латыши отчасти могли считаться «своими» по причине наличия одних и тех же христианских имен, данных при крещении: Петр, Павел, Николай, Михаил, Владимир, Антон, Мария. К латышам, как и к другим народам, постепенно проникали новые имена, правда, в местной озвучке, с акцентом на первый слог: Альберт, Альфред. В «ногу со временем» латышские имена зазвучали в сокращенном варианте: Карлис – Карл, Фрицис или Фрициус – Фриц, Янис – Ян. Имя Янис (Ян) нередко в документах указывалось в русском варианте как Иван. Еще одной особенностью латышей являются двойные имена. К примеру, одним из информаторов по этнической культуре латышей стала женщина, у которой в паспорте указано имя Айна Майга («майга» – лат. «улыбка»); устно к ней обращаются – Айна (ПМА 2009. РБ, Архангельский район, с. Бакалдино). Но таких примеров крайне мало.

Согласно полевым материалам, со второй половины XX в. многие люди имели одно имя – и по документам, и по религиозному обряду, и это было международное имя, бытовавшее у разных народов, – Альбина, Эльмира, Руслан. Если же человеку при рождении давали национальное имя, при устном общении с коллегами, соседями, в учебных заведениях оно часто «переводилось» на русский лад. К башкирке или татарке с именем Райса обращались Рая, Фарида становилась Фая, аналогично у мужчин: Мидхат – Миша, Салимьян – Саша.

При этом инициатором «перевода» могли стать как сами носители этнических имен, так и окружающие (ПМА, 2010–2022, РБ, г. Уфа; г. Салават; г. Кумертау; Куюргазинский район, с. Якшимбетово; Кармаскалинский район, д. Кустыгулово).

В постсоветское время появилась мода на традиционные имена (Данил, Платон, Ульяна – у русских, Карим, Ислам, Мадина, София – у башкир и татар). Имена стали вновь маркерами принадлежности людей к разным религиям и культурам. После показа по телевидению турецкого сериала «Золотой век» среди башкир и татар появилось немало мальчиков с именем Сулейман, в некоторых группах детсадов несколько носителей такого имени.

Изменения коснулись и обрядности. Если в советские годы священнослужители у башкир и татар нередко проводили ритуал имянаречения международным именем, а также бракосочетание носителей таких имен (Эльмира и Марсель), то сейчас это недопустимо. Перед никахом брачующиеся получают мусульманские имена, как правило, созвучные имеющимся официальным; новые антропонимы для молодых становятся сакральными.

В ряде случаев у информаторов три имени: помимо вышеназванных, еще одно обережное. Часто они производные, например Гульсара и Сара. Тайное имя информаторы скрывают, уточняя лишь, что оно связано с оберегом. Есть также пример, когда тайным антропонимом стало имя почитаемого первого президента Республики Башкортостан Муртазы Рахимова.

Особняком стоят антропонимы носителей традиционных верований. Речь идет о чувашах с. Юльtimiровка Бакалинского района (Садиков, Петров, 2004) и о некрещеных удмуртах (Садиков, 2019). Под влиянием башкирского и татарского населения к концу XIX в. у них сформировалась региональная культура с особенностями в празднично-обрядовом календаре, костюмном комплексе, системе питания, языке и т. д., «своими» стали старинные имена тюркского происхождения. В последние десятилетия удмурты своим детям дают имена, общераспространенные в российской культуре (Садиков, 2019).

Разнообразие «языческих» имен удмуртов и чувашей можно изучить по надписям на надмогильных сооружениях. У современников такие имена практически не используются и возврата к обычаю не ожидается. По материалам И. Г. Петрова, своеобразие некрещеных чувашей заключается в том, что люди еще в конце XIX в. – начале XX в. носили «языческие» имена, отчества и фамилии. В их числе имена: Сильдебей, Савнечей, Иркач, Минкач, Тохтаби, Пуяндай, Сенеби, Юзекей, Минеки, Техтюк, Елендей и др. У родившихся в первые десятилетия XX в. такими были только фамилия и отчество или только фамилия. В советские годы традиционные антропонимы вытеснялись православными именами (Павел, Евгений, Нина) (Петров, 2015: 129–131). Чувашская интеллигенция из числа православных, напротив, стала представляться псевдонимами, отражающими давние тюркские традиции (Тимербулат).

Всю гамму социально-экономических и политических перемен, происходивших в XX столетии, демонстрирует именной татаро-башкиро-мишарского села Улькунды Дуванского района Башкортостана (ПМА, 2009, РБ, Дуванский район, с. Улькунды). В дореволюционное время здесь традиционными были имена, связанные с исламом (Абдулла – араб. «раб Аллаха»). В советские годы количество таких имен резко уменьшалось по причине вытеснения необычными антропонимами. Они выбирались в память о местах пребывания в годы войны (Белград), в честь красивых гор (Казбек, Эльбрус), мусульманских святых (Иран, Мекка), по красоте звучания химических элементов (Марганец, Марганис, Уран, Гранит), материалов (Атлас). В антропонимах получили отражение исторические личности (Рюрик, Чингисхан, Феликс, Дарвин, Флор, Асколь), герои фильмов и книг (Лузария), актеры (Ламберт), композиторы (Загния, Дамбис), спортсмены (Балдарис, Владе). Вместо Ирины здесь Эрина, вместо Винера – Финер, вместо Лизы – Юлиза. Некоторые имена взяты из других культур (Игнас, Марита, Финя, Марганда, Флюрис).

Есть в селе Рикс (сокр. «рабочий и крестьянский союз») Маркс, Энгельс, Мандат, Солдат, Авангард. Как показывают полевые исследования, эти имена появились отнюдь не как

дань победам революции и проявление идейных убеждений родителей, а по причине следования традиции башкир, татар, мишарей подбора детям одной семьи рифмующихся имен, начинающихся или заканчивающихся на одинаковую букву. (Это традиция еще и закамских некрещеных удмуртов (Атаманов, 1983: 83).) После того как известные антропонимы исчерпывались, родители подбирали имя из лексики своего времени. Новое имя сочеталось с традиционными именами и фамилиями. Например, информатором по семейной обрядности башкир и татар стал Абдуллин Рикс Рахимьянович 1944 г. р.

Поводом для появления необычных имен в Улькундах стали новшества в жизни людей, отсюда Нафталин, Компьютер и Интернет. Здесь есть Виноград, Кобра, Маймул (башк., тат. «обезьяна»). Известно, что в культурах многих народов имена, связанные с местным миром растений (рус. Береза) и животных (удм. Кион – «волк») считаются древними и утраченными. В Улькундах это новые имена, тем более они связаны с флорой и фауной, не характерной для уральской местности. В последние годы в селе под влиянием проповедей местного священнослужителя молодые родители стали давать детям общероссийские или мусульманские имена. Прихожане отчасти сменили непривычные антропонимы либо стали носителями сразу двух – по паспорту и согласно религиозному обряду имяназачения.

Выводы

Таким образом, многоэтничность Башкортостана обусловила бытование башкирских, татарских, русских, чувашских, удмуртских, латышских и иных имен. В их числе христианские, мусульманские и «языческие», «свои» и общие. Очевидна динамика антропонимического словаря в направлении от этнокультурного разнообразия к общему советскому и интернациональному, затем возврат к традиционному на новом уровне при абсорбции некогда новых явлений. Причиной сохранения традиционных антропонимов является гибкость традиции, открытость к переменам, возможность сосуществования и взаимодействия с новым.

Нельзя схематизировать вектор развития антропонимии, исходя из этапов советского и постсоветского развития. В советский период происходило приспособление людей к политическим требованиям, но не тотальный отказ от традиций. Наблюдалось сосуществование новых и давних имен, которые могли быть у одного человека и/или меняться.

Для многих людей имя вновь стало маркером этнической и конфессиональной принадлежности. Наблюдается антитеза между башкирами, татарами (мусульманами) – с одной стороны и русскими (православными) – с другой. Неслучайно у башкир и татар русские имена стали кличками для коров и других домашних животных (Манька, Дуська) наряду с нарицательными именами (Огонек). В этой антитезе некрещеные удмурты и чуваша занимают срединное место. В их среде «языческие» имена практически не сохранились. «Своими» считаются антропонимы, общие для башкир, татар, русских. У латышей нет имен-советизмов. Можно предположить, что некоторые интернациональные имена местными башкирами, татарами и русскими были восприняты от латышей.

Наличие у одного человека имен, возникших в разные исторические этапы общества, – «языческого» (оберег), мусульманского/христианского и интернационального – свидетельствует о сложном процессе имятворчества и о многоуровневой религиозной идентичности наших современников.

Источники:

- Араслан.** Мулл не нужно // Власть труда. 1924. 21 февр.
Б. П. Празднование 5-летия Давлекановской организации РКП // Власть труда. 1924. 11 янв.
Ж-н. Красные «крестины» // Власть труда. 1924. 12 янв.
Кушаев. Комсомольский байрам // Свет. 1923. № 9. С. 38.

- П. И.** К новому быту. Ленина Месткомовская // Власть труда. 1924. 16 февр.
Титов. Новый член нашей семьи (Лесозавод «Красный Деревоотделочник» // Власть труда. 1924. 5 апр.
Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2461; Ф. И-420. Оп. 1. Д. 1.
Кузеев Р. Г. Полевые дневники 1953–1958 гг. Научный архив Уфим. федерал. науч. центра РАН. Ф. 116. Оп. 1. Отовсюду (Из крестьянских писем) // Красная Башкирия. 1925. 10 марта.
Шныра Ив. «Крестные» и «крестники» // Власть труда. 1923. 19 окт.

Литература:

- Атаманов М. Г.** Личные имена закамских удмуртов // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики. Ижевск, 1983. С. 65–100.
Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф. Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.
Галиева Ф. Г. Революционные крестины как феномен советской культуры 1920-х гг. (по материалам прессы Башкирии) // Современные исследования социальных проблем. 2018. № 1. С. 26–41.
Галиева Ф. Г. Семейные обряды и обычаи в поликультурном пространстве. Уфа: Китап, 2020. 296 с.
Кусимова Т. Х., Бикколова С. А. Башкирские имена. Уфа: Китап, 2005. 224 с.
Петров И. Г. Полевое моление учук некрещеных чувашей деревни Юльтимировка Бакалинского района Республики Башкортостан (по материалам экспедиций 2010, 2014 гг.) // Документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала. Вып. 1 / отв. ред. Ф. Г. Галиева. Уфа, 2017. С. 113–172.
Раемгужина З. М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира: аспекты формирования и особенности функционирования: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. Уфа, 2009.
Садиков Р. Р. Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). Уфа: ООО «Первая типография», 2019. 320 с.
Садиков Р. Р., Петров И. Г. Моление учук некрещеных чувашей Бакалинского района Башкортостана // Актуальные проблемы чувашского языка и литературы: сб. материалов Всерос. научно-практ. конф. 25–27 ноября 2004 г. Sterlitamak, 2004. С. 140–147.
Суперанская А. В. Общая теория имени собственного: имя и общество, статус имени собственного, ономастическое пространство и классификация имен, собственные имена в языке и речи, семантика собственных имен. Изд. 3-е изд., испр. М.: URSS, 2009. 365 с.
Сөләймәнова Р. Ә. Хәзерге башкорт телендәге антропонимдар һәм улардың үсеш тенденциялары. Өфө: Гилем, 2006. 148 б.
Хисамитдинова Ф. Г., Тупеев С. Х. Башкирские имена тюркского происхождения. Уфа: Китап, 2006. 120 с.
Чегодаев Е. А. Латыши // Этнос и культуры в единой семье Башкортостана. М.: Перо, 2018. С. 355–372.
Чуваши / отв. ред. В. П. Иванов, А. Д. Коростелев, Е. А. Ягафова. М.: Наука, 2017. 654 с.

Галиева Фарида Габдулхаевна.

Доктор филологических наук, кандидат исторических наук, доцент, зав. отделом этнографии.

Институт этнологических исследований УФИЦ РАН.

Ул. К. Маркса, 6, Уфа, 450077.

E-mail: afg18@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24 февраля 2023 г.

F. G. Galieva

PERSONAL NAMES OF THE PEOPLES OF BASHKORTOSTAN: GENERAL PATTERNS OF DEVELOPMENT OF THE NAMES OF CREATIVITY AND THE UNIQUENESS OF CULTURES

The article examines the personal names of the peoples of Bashkortostan in the context of the dynamics of ethnic traditions in the context of socio-political and economic changes, as well as the uniqueness of the polyethnic and polyconfessional environment. The general patterns are pointed out, and the difference in the emergence of Orthodox Russians, Bashkir Muslims, and Tatars, carriers of traditional ("pagan") religions of Udmurt and Chuvash, Lutherans, and Latvians becomes clear. In the chronological framework of the 20 – early 21 century, the change in the composition of names of ethnic groups was studied, and the direction from ethnocultural diversity to the formation of a common layer of name Sovietisms and international anthroponyms in the Soviet period was determined, and in the post-Soviet period – a return to some pre-Soviet traditions. Bashkirs, Tatars, and Russians return to the names that existed in pre-revolutionary times. The custom of having two, sometimes even three

names was updated (official – for communication, secret – in a religious rite, and one for protection (talismans)). The "pagans" of the Udmurt do not return to the original ethnic anthroponyms because the names borrowed from the Turkic and Russian environment are considered "their own." Among the Chuvash "pagans", since the end of the 19 century, there has been a move away from ethnic "paganism," a transition to common Turkic and Slavic names now considered traditional. In turn, the representatives of the intelligentsia among the Orthodox Chuvash have a preference for pseudonyms – talismanic names of Turkic origin. Latvians, due to the rejection of Soviet power in the years after the revolution, did not have Soviet names but international words, which, however, sounded in their own way. It is concluded that the preservation of traditions is related to the plasticity of ethnic cultures, to the ability to coexist and interact with Soviet, non-ethnic, non-confessional customs to develop through renewal. The namesake of Ulkunda village demonstrates the diversity of ethnocultural phenomena in the Duvan district, which has traditional anthroponyms, Sovietisms, international names associated with toponyms, flora and fauna, chemical elements, household items, famous personalities, and innovations in society.

Keywords: *peoples of Bashkortostan, name creation, naming ceremony, traditional anthroponyms, names-Sovietisms*

References:

- Atamanov M. G.** Lichnye imena zakamskix udmurtov [Personal names of the Zakamsky Udmurts]. Voprosy udmurtskoj dialektologii i onomastiki [Questions of Udmurt dialectology and onomastics]. Izhevsk, 1983. P. 65–100 (in Russian).
- Bikbulatov N. V., Fatykhova F. F.** Semejnij byt bashkir. XIX–XX vv. [Family life of Bashkirs of the 19–20 centuries]. Moscow: Nauka, 1991. 189 p. (in Russian).
- Galieva F. G.** Revolyucionnye krestiny kak fenomen sovetskoj kultury 1920-x gg. (po materialam pressy Bashkirii) [Revolutionary christenings as a phenomenon of Soviet culture of the 1920s (based on the materials of the Bashkiria press)]. Sovremennye issledovaniya socialnyx problem [Modern studies of social problems]. 2018. No. 1. P. 26–41 (in Russian).
- Galieva F. G.** Semejnye obryady i obychai v polikulturem prostranstve [Family rituals and customs in the multicultural space]. Ufa: Kitap, 2020. 296 p. (in Russian).
- Kusimova T. Kh., Bikolova S. A.** Bashkirskie imena [Bashkir names]. Ufa: Kitap, 2005. 224 p. (in Russian).
- Petrov I. G.** Polevoe molenie uchuk nekreshhenyx chuvashoj derevni Yultimirovka Bakalinskogo rajona Respubliki Bashkortostan (po materialam ekspeditsij 2010, 2014 gg.) [Field prayer of the teachers of the unbaptized Chuvash of the village of Yultimirovka of the Bakalinsky district of the Republic of Bashkortostan (based on the materials of the expeditions of 2010, 2014)]. Dokumenty i materialy po istorii i etnografii narodov Yuzhnogo Urala [Documents and materials on the history and ethnography of the peoples of the Southern Urals]. Is. 1. Ufa, 2017. P. 113–172 (in Russian).
- Raemguzhina Z. M.** Bashkirskij antroponimikon v svete yazykovoj kartiny mira: aspekty formirovaniya i osobennosti funkcionirovaniya [Bashkir anthroponymicon in the light of the linguistic picture of the world: aspects of formation and features of functioning]. Dis. d-ra filol. nauk: 10.02.02. Ufa, 2009. (in Russian).
- Sadikov R. R.** Tradicionnaya religiya zakamskix udmurtov (istoriya i sovremennost) [The traditional religion of the Zakam Udmurts (history and modernity)]. Ufa: OOO «Pervaya tipografiya», 2019. 320 p. (in Russian).
- Sadikov R. R., Petrov I. G.** Molenie uchuk nekreshhenyx chuvashoj Bakalinskogo rajona Bashkortostana [Prayer for the healing of unbaptized Chuvash of the Bakalinsky district of Bashkortostan]. Aktualnye problemy chuvashskogo yazyka i literatury [Actual problems of the Chuvash language and literature]. Sterlitamak, 2004. P. 140–147. (in Russian).
- Superanskaya A. V.** Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo: imya i obshchestvo, status imeni sobstvennogo, onomasticheskoe prostranstvo i klassifikaciya imen, sobstvennyye imena v yazyke i rechi, semantika sobstvennyx imen [General theory of proper names: name and society, the status of proper names, onomastic space and classification of names, proper names in language and speech, semantics of proper names]. Moscow: URSS, 2009. 365 p. (in Russian).
- Xisamitdinova F. G., Tupeev S. Kh.** Bashkirskie imena tyurkskogo proisxozhdeniya [Bashkir names of Turkic origin]. Ufa: Kitap, 2006. 120 p. (in Russian).
- Chegodaev E. A.** Latyshy [Latvians]. Etnosy i kultury v edinoj seme Bashkortostana [Ethnoses in a single family of Bashkortostan]. Moscow: Pero, 2018. P. 355–372 (in Russian).
- Chuvashi** [Chuvash] / otv. red. V. P. Ivanov, A. D. Korostelev, E. A. Yagafova. Moscow: Nauka, 2017. 654 p. (in Russian).

Galieva Farida Gabdulkaevna.

Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head ethnography department.

Institute for Ethnological Studies UFRC RAS.

K. Marksa str., 6, Ufa, Russia, 450077.

E-mail: afg18@mail.ru